

18+

Александр Черняк

СЛАДКИЙ НАРКОЗ

РАССКАЗЫ

Александр Черняк

Сладкий наркоз. Рассказы

«Издательские решения»

Черняк А.

Сладкий наркоз. Рассказы / А. Черняк — «Издательские решения»,

В этом сборнике, рассказы «Сладкий наркоз», «Гость» и «Цепочка» ранее издавались отдельными книгами под теми же названиями. Автор мастер придумывать замысловатые сюжеты. И при этом всё, что он пишет, он извлекает из самого себя — своей жизни, своей боли, своей веры и своей любви. В его повестях и рассказах присутствует тайна, когда из этой обыденной достоверности всякий раз вырастает чудо веры и любви, преодолевающее боль и страх, побеждающее смерть, ведущее читателя к добру и свету.

© Черняк А.

© Издательские решения

Содержание

Сладкий наркоз	6
Рада	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сладкий наркоз Рассказы

Александр Черняк

Дизайнер обложки Валерия Смоляр

© Александр Черняк, 2026

© Валерия Смоляр, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-1077-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сладкий наркоз

Была середина недели. На улицах города сентябрь только готовился добавить в свою цветовую палитру немного жёлтого и чуть-чуть красного цвета. Через короткое время он смешивает их с пышными, буйными, ярко зелёными красками, выдавленными несколько месяцев назад на палитру из тюбиков, которыми лето рисовало пейзажи и в городе, и в деревне, с обязательным добавлением голубого и синего в воде и на небе. Мазки летней кисточкой по небу белой краской — облака, белые тонкие мазки по воде — «барашки» от лёгкого предвечернего бриза. Погода радовала теплой прохладой без излишнего зноя, от которого все горожане устали за, наконец, оставшийся в истории август. Для меня сегодняшний день должен был стать непростым по тому объёму работ, который предстояло сделать. Но мне не привыкать. Директор фирмы должен быть примером во всём, в том числе и в работоспособности. Сегодня на повестке дня освидетельствование стеллажного оборудования в складском комплексе площадью пятнадцать тысяч квадратных метров. Высота стеллажей порядка пятнадцати метров. Высота самого здания в коньке почти двадцать метров. Должен подтянуться и мой главный специалист — Иван. Что-то опаздывает. Но ждать не буду.

— Виктор Петрович, — звоню я главному инженеру компании — владельцу склада, — я на проходной, сегодня начинаю работать по вашим стеллажам в складе номер семь. Предупреди, пожалуйста, своего заведующего складом, что я буду минут через десять у него. Если я обращусь к нему — пусть будет готов помочь.

— Да не вопрос, Михалыч! Сейчас звякну!

По дорожке от проходной иду в сторону объекта по тенистой аллее, разрезающей комплекс на зону приёмки и зону отгрузки товара. Смотрю сквозь листья деревьев на небо — ярко голубое и высокое. И сразу вспоминаю: «На свете нет кружев тоньше — там, где листва деревьев вплетается в небо. Или небо вплетается в листву. Всмотритесь хорошенько и увидите, как сентябрь плетёт этот зелёно-голубой узор гипюра, словно гудящий станок. Остановитесь и послушайте тишину. Может вам удастся услышать, как носится в воздухе пыльца полевых цветов...» Так, или примерно так, пишет Рэй Брэдбери в своей книге «Вино из одуванчиков». Мне нравится его взгляд на окружающий мир. Точно слова писателя я, конечно, не вспомню. Но его настрой, даёт мне приятный, тёплый и комфортный задел в душе не только на ожидающий меня рабочий день, но и на весь, притаившийся в тени клёнов, сентябрь.

Подхожу к зданию склада — ни машин, ни людей перед ним нет. Странно, потому что до обеда ещё около часа. Над входными, подъёмными воротами укреплен табличка «Склад №7». Останавливаюсь, присаживаюсь на скамеечку рядом с входом. Над ней написано — «Место для курения». Стоит огромная урна для курящих. Ну, я-то не курю. Посмотрю-ка я в интернете, для прикола, что означает цифра 7 в ангельской нумерологии. Я иногда обращаю внимание на знаки, которые нам подбрасывает судьба. Достāju телефон. Нашёл. Читаю:

«Наслаждайтесь видением числа 7, потому, что во всём, что вы сейчас делаете, или планируете сделать, или думаете о том, чтобы сделать, вас поддерживают ангелы. Вы находитесь на правильном пути и самое лучшее для вас ещё впереди. Будьте смелы и уверены в своих решениях и действиях. Нет ничего, более восхитительного, чем знать, что тебя ободряют ангелы. Вселенная прикрывает вашу спину. Пришло время укрепить ваши связи с мощной, божественной энергией вселенной. Прислушайтесь к этому посланию, направленному вам ангелами и доверьтесь пути, который разворачивается прямо перед вами. Появляются разные возможности, и вы будете ошеломлены тем, что произойдёт в вашей жизни. Не думайте о том, чтобы отказаться от них, решительно идите вперёд, потому что на самом деле вы готовы. Соединение с ангелами и вселенной открывает двери, о которых, возможно, вы никогда не думали раньше. Слушание и следование ангельским посланиям, принесёт волшебные переживания в

вашу жизнь. Значение числа 7 в нумерологии — это ответ на ваши молитвы. Вселенная отвечает всегда, если вы обращаетесь к ней». Понятно. Конечно, интересно, но отношусь я к нумерологии с умеренной долей скепсиса. Так, «перекурили» — теперь за работу. Встаю и подхожу к воротам. Дверь врезана в полотно ворот.

Берусь за ручку входной двери и тяну на себя. Дверной доводчик пытается сопротивляться, но безуспешно. Перешагиваю через порог и оказываюсь внутри склада. Дверь сзади мягко прикрывается, оставляя меня в огромном пространстве складского терминала практически в полной темноте — освещение в комплексе выключено. А может авария на электросетях? Никого нет. Я это понимаю по отсутствию голосов, шагов, телефонных разговоров, какого бы то ни было шевеления чего-нибудь или кого-нибудь живого. Не понимаю пока, что мне сделать. Тишина. И я стою, не шевелясь, стараясь дышать тихо, не выдавая, пока, своего присутствия на объекте. Тусклый свет, струящийся как-то нехотя, через несколько окон на первом этаже и через десяток зенитных фонарей на крыше здания, тает, растворяется в густой тьме, обступающей меня со всех сторон. Из-за стен в склад не проникает ни одного звука большого города и самого складского комплекса, на территории которого я и нахожусь.

Ощущение пустоты неприятно холодит спину и грудь. Или это позывы страха?.. Но действительно, неприятно находиться в полной тишине, в полной темноте, не понимая причины такой ситуации и соглашаясь с невозможностью ориентироваться в пространстве. Телефон! Из заднего кармана брюк достаю телефон. Сейчас включим фонарик. Действительность оказывается хуже, чем я предполагал: телефон не включается, ни в каком режиме — он «мёртвый». Но ведь он заряжен полностью, и только что я делал звонок с него Виктору Петровичу и был в интернете! Что за чёрт! Но заниматься им сейчас абсолютно невозможно. Телефон возвращаю на место. Громко произношу, правда, без надежды быть услышанным: «Эй! Есть кто живой?». Эхо отвечает: «...есть кто живой, кто живой, живой» — и замолкает. Слышу какие-то шорохи, и в моё тело начинает вползать чувство беспомощности и одиночества. И эти неприятные ощущения в первую очередь оказываются в моём мозге, в похолодевшем сердце и в моей нервной системе. На лбу выступает пот, который я чувствую кожей...

Проходит несколько минут. Я заставляю себя расслабиться, и напряжение чуть-чуть отступает. Но ситуация не изменяется — полная темнота и полная тишина. Нет — тишина не полная. Замираю. Я знаю, что склад этот заполнен примерно на треть. Видимо, поэтому, эхо от каждого звука хоть и глухо, но слышится тающей нотой, растворяющейся в тишине. Я начинаю слышать это безмолвие, наполненное звуками, тихими и разными по тональности, ритму, продолжительности и соответствующими каждый — своей ноте в музыкальной грамоте. Они сливаются в негромкую композицию, каждый элемент которой трепетом отзывается в любом живом существе, находящемся в полной темноте в огромном помещении и ощущающем глубокое волнение из-за отсутствия видимых путей выхода из сложившегося положения.

А отпущенные на свободу звуки мечутся между паллетами с грузом, сталкиваясь с металлическими рамами стеллажей, несутся вверх — к коньку крыши и падают вниз, чтобы погаснуть в конце стометрового одиночного ряда. А вслед погасшему звуку уже несётся новый, энергичный вначале и тускло-затухающий в конце.

А это что — стон? Человеческий стон? Вроде успокоившиеся «мурашки» снова бегут по всему телу. Делаю пару шагов назад к двери, через которую я только что вошёл. Рука ищет ручку двери и не находит. Делаю ещё шаг назад и упираюсь спиной в то место, где только что была дверь — рука сзади нащупывает только холодные кирпичи старой кладки с давно высохшими неровными лентами раствора между ними. В мозгу, на высокой ноте, пульсирует мысль: куда делась дверь?! Куда делась дверь? И вдруг, совсем рядом, тихий голос: «Всё хорошо, он засыпает. Он сейчас заснёт. И можно начинать». Что начинать? Куда я попал? Где выход? Что-то холодное капает мне на плечо — интуитивно сдвигаюсь чуть в сторону, чтобы капли долетали до бетонного пола. Голос раздаётся откуда-то сверху. Тихий. Вкрадчивый...

Запах. Запахло лекарствами. Специфический запах больницы. Запах процедурного кабинета напротив стойки дежурной медсестры или палаты реанимации. Разговор стих. Воцаряется тишина. Только где-то на другом конце склада появляется далёкий капельный звон — звук падающих на бетонный пол капель, разбивающихся при падении на десятки брызг, летящих в разные стороны и знающих точно, что за ними сюда упадут следующие капли, уже направляющиеся этим же путём — к полу. Конечно, не понять, что это капает, но у меня ассоциативно с запахом лекарств возникает перед глазами капельница — система для внутривенного вливания. Сколько их было в моей жизни? Десятки? Сотни? Проклятая аритмия!

...Последние семь лет сменялись исследования, менялись медицинские учреждения и врачи, препараты, которыми пытались успокоить сердце, но за это время оно прошло путь от мерцательной аритмии до фибрилляции предсердий. На горизонте замаячила кардиологическая операция...

Появился едва различимый звон, кружащийся в воздухе: может оса, делала круги возле своего укромного гнёздышка. Но может, этот тихий звук рождён в тишине здания, наполненного металлическими конструкциями стеллажей, пронзивших своими рамами пространство складского помещения? А может звук этот идёт от товара, завёрнутого, заколоченного, упакованного, обвязанного и уложенного на деревянные паллеты, расположившиеся по всей пятнадцатиметровой высоте склада? Звон обрывается...

Но где-то в середине склада в полной темноте вдруг вспыхнул одинокий огонёк свечи, еле видимый на таком расстоянии, совсем беззащитный, но притягивающий к себе всё живое и тёплое...

Сразу вспомнился такой же одинокий огонёк...

...В нашем доме внезапно погас свет и мы с женой, до этого оба сидевшие рядом на диване, напротив телевизора, инстинктивно сразу придвинулись друг к другу. Каждый из нас подумал об одном: как долго продлится темнота, моментально заполнившая всё пространство дома? Со словами «Сейчас, родная, я что-нибудь придумаю» — я поднялся и медленно начал передвигаться в соседнюю комнату, чуть освещённую рассеянным светом Луны, струящимся из-за облаков, скрывающих от человеческих взоров преданную спутницу Земли. Я помнил, где у меня стояла свеча в простой подставке, а рядом я всегда держал зажигалку, чтобы в редкий, но очень нужный и важный момент под рукой оказалось всё необходимое для света и продолжения жизни. Я зажёл свечу, зажигалку положил в карман и, прикрывая огонёк ладонью от воздуха, набегающего на него при моём движении, вернулся к Любаше, поставив на журнальный столик перед диваном принесённую частичку очага и сев рядом с ней. Она обхватила мою руку двумя своими и прижалась ко мне:

— Как неприятно находиться одновременно в темноте и в тишине. Кажется, будто жизнь вот-вот закончится, или уже прервалась.

Мы сидели, обнявшись у горящей свечи, когда вдруг свершилось чудо: самая большая комната нашего дома потеряла весь свой объём и, уютно съёжившись, сомкнулась вокруг нас. Внутри меня и моей половинки тоже всё изменилось и наши тела, прижавшись друг к другу, мечтали только об одном: чтобы свет не включили и это таинство родства света и тьмы, родства двух душ и любви при свече, продолжалось как можно дольше. Любочка пересела ко мне на бёдра, поджав, согнутые ноги под себя и упёршись коленями в спинку дивана. Она прижалась ко мне всем телом и крепко обнимала меня за шею. Мы затихли. Вдруг, в тишине зазвучал её чуть дрожащий голос, стихами Анны Ахматовой:

Есть в близости людей заветная черта,
Её не перейти влюблённости и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста,
И сердце рвётся от любви на части.

Я частенько видел томик стихов её любимой поэтессы на тумбочке у нашей кровати и иногда открывал его. Я помню эти строки в сборнике, написанные Анной в 1915 году, заканчивающиеся такими словами:

Стремящиеся к ней безумны, а её
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего моё
Не бьётся сердце под твоей рукою?

Я прижался к Любашиным губам своими, остановив полёт слов, написанных Ахматовой, — прекрасные стихи, волнующие души и сердца не одного поколения людей, любующихся этими высокими чувствами, которые поэтесса оставила потомкам, вложив их в волшебные строки.

Мы медленными глотками пили этот нектар ощущения полного взаимного погружения, когда будто из двух прижавшихся друг к другу любящих людей, окруженных темнотой и тишиной, образовалось одно тело, название, которому — душа, полная любви, тепла и уюта. От сознания полного счастья эта душа уносится в светлое божественное пространство — радостное, спасительное и всепрощающее. В эту минуту я кожей и сердцем понял, как необходимо беречь каждую минуту, проведенную с любимым человеком. Эти мгновения и испытанные в течение них чувства, навсегда, словно татуировка, оказались выбиты на моём сердце.

...Я медленно двинулся в сторону мерцающего огонька свечи, выставив вперёд руки, стараясь обойти тёмные, практически невидимые, но интуитивно ощущаемые паллеты с товаром. Только попав, наконец, в нужный рабочий коридор между рядами стеллажей и увидев невдалеке маленький огонёк, путь к которому был для меня открыт, я чуть успокоился и пошёл к нему. Я шёл к зовущему меня ростку света, спиной, обращенной в темноту, продолжая ощущать холодок и готовность всего тела, если понадобится, защищаться от атаки сзади. Но ничего не происходило сзади меня. Только тихое эхо от моих осторожных шагов носилось, затухая по складу, разбиваясь об металл стеллажных конструкций и вливаясь в музыкальную какофонию живой тишины, куда встревоженный ситуацией человек добавлял свою ноту.

Я подошёл совсем близко к мерцающему свету и увидел то, что лишило меня сил. Напротив свечи, стоящей на бетонном полу рядом с маленькой иконой Божьей матери «Нерушимая стена», на нашем стареньком детском одеяльце, поджав под себя ноги, сидела моя любимая жена и молилась Богородице: «И Ты, Владычице, не напрасно именуемая «Нерушимой стеной», будь для всех враждующих против меня и моей семьи и замышляющих пакостное творите нам, воистину некоей преградой и нерушимой стеной, ограждающей нас от всякого зла и от тяжких обстоятельств...»

Я видел свою жену рядом, живой, сидящей перед иконой. Волна радости, смешанная со страхом, толкнула меня вперёд, я шагнул, но упёрся как будто в прозрачную стену. Я не мог преодолеть эту стеклянную преграду. Я стучал в эту невидимую стену, я бил в неё кулаками, ногами, я кричал, я звал Любочку, но всё напрасно. Ко мне доходил свет горящей свечи, я слышал спокойный голос и слова самой любимой женщины на свете, которая молилась на моих глазах за защиту нашей семьи, но подойти к ней я не мог, и слов моих, обращенных к ней, даже на уровне беспомощного крика — она не слышала!

Совсем выбившись из сил, я сел на какой-то ящик рядом со стеной, разделявшей нас, опустил руки и просто смотрел на профиль любимой, впитывая и запоминая каждую клеточку Любиного лица, каждое движение ресниц, каждый локон волос вокруг лица, освещённого чуть дрожащим пламенем свечи, каждое движение её губ, произносящих молитву. Это было чудо упоения, опьянения и любви, пронизавшее всё, что меня окружало, что было мне видимо и

что было скрыто темнотой складского пространства. Перед глазами проносились прожитые с женой годы. Это был скорее не поток информации, а воспоминания голоса, слов, жестов, поворота головы, взгляда, причёски, цвета любимых глаз и тянущихся ко мне губ, тёплых и нежных рук, обнимающих меня за шею. Пахло свечами, ладаном и этот церковный запах перемешивался с запахом в сотый раз стираной больничной пижамы и опять запах крови. Но, не смотря ни на что: ни на запахи, ни на страшную и постоянно давящую окружающую темноту, и холод застывшего в стеллажах железа и запакованного товара — я не мог отвести взгляд от любимой. Сердце моё наполняется любовью к ней и осознанием жизненной необходимости упиваться её лицом, тембром её голоса, руками, лежащими на коленях.

Электрическим разрядом мой мозг пронзила мысль: как это всё может быть? Как я всё это вижу? Сплю? Ведь больше двух лет назад я похоронил мою любимую, когда за нашей спиной было уже больше восемнадцати лет, прожитых вместе. Да, я часто плачу о ней. Да, каждый день все это время вечером я в молитве прошу Бога об упокоении души моей жены в Царствии небесном. Прошу его и умоляю! Каждый день! Я часто просил Господа хоть на короткое время вернуть мне Любашу живой, чтобы мы могли обняться и провести вместе хотя бы один день! Неужели, Господь услышал мою молитву и дал мне на короткое время увидеться с Любочкой — живой, хоть и недоступной! И сейчас я вижу её!

Это случилось в первую волну коронавируса, когда вся система здравоохранения страны в страшном напряжении совершала системные и рядовые ошибки, одновременно совершая и врачебные подвиги, но мне тогда казалось, что больше — первого. От того страшного времени у меня осталось ощущение острой незащищенности близких и любимых людей. Мы жизнями своих родных платили за пандемию, обрушившуюся на нас. Мне представлялось, что от рядовых врачей зависит очень-очень мало. Усилия медицины были в основном направлены на организацию карантина, на то, чтобы максимально остановить эпидемию, набиравшую обороты и забирающую сотни и тысячи жизней. Лето 2020 года начало давать понимание, что доктора лечат в условиях дефицита оборудования для искусственной вентиляции лёгких, проблем с поставкой кислорода в больничные системы, отсутствия опыта борьбы с коронавирусом и отработанных методик применения, тех или иных медикаментов. Тогда отсутствовали и вакцины от страшной инфекционной болезни...

...Огонь свечи у Любаши начал дрожать, и я увидел, как она зажигает новую свечу от догорающей и устанавливает на место первой, окончательно погасив почти сгоревшую, двумя пальцами одной руки — она всегда так гасила свечки, мне так знакомы все её движения, что из глаз моих катятся слёзы.

Этот вновь разгорающийся огонёк и сама Любочка на коленях перед иконой Богородицы, пронизывает меня болью, а с ней накатывается вера в добро и убеждённость, что всё будет хорошо. Я стою с закрытыми глазами у прозрачной стены и моей душе, вдруг становится спокойно. Может, я умер? Или это стойкое желание хоть на мгновение вернуться туда, где когда-то я был счастлив и любим, согреться, прикоснувшись к тому времени, которое безвозвратно прошло. И только память, как прочёл я в какой-то книге, только память — вот наша машина времени, которая будет служить нам до тех пор, пока бьётся наше сердце и жива наша душа. Но понять это сможет только тот, кто сам постоянно направляет свою машину памяти дорогой в счастливое и бесценное прошлое...

...Начинаю слышать разговор двух мужчин:

— Сегодня делаем «Лабиринт — 2», — первый голос молодого мужчины уверенный, спокойный и негромкий,

— Так, что? Левое ушко будем купировать? — спрашивает заинтересованным тоном второй мужской голос, тоже молодой. Я поворачиваюсь спиной к невидимой стене и кричу в темноту:

— Мужики, я здесь, в темноте, свет включите!!

А разговор мужчин продолжается, словно я не кричал и слова мои не носились эхом по всему огромному зданию склада. Может, я кричу молча? Но я же слышу свой крик! А так бывает? Со мной никогда не было. И я о таком никогда не слышал. А может, этот разговор происходит за стенами склада? Поэтому они меня не слышат? Но тогда почему слышу их я? А их разговор продолжается:

— Вы пишете то, что делаете?

— Конечно!

— Это на мониторе? Камера внутри работает?

— Ну, да. Глянь давление.

— Нормальное.

Да, что за чёрт? Откуда эта болтовня? А, ладно, плевать! Я поворачиваюсь лицом к свету и к моей Любочке. Главное, что моя радость здесь: такая живая, такая же красивая и любимая. Жалко, что я не могу до неё дотянуться, и она меня не слышит.

Чья-то рука легла на моё плечо. Я интуитивно вздрогнул, и ледяная молния страха пронзила тело — ведь не было ни звука шагов, ни шорохов, ни движения воздуха или чьего-то дыхания. А ведь мой организм настроился уже на более высокую степень чувствительности, подняв уровень визуальной составляющей набора человеческих ощущений, включив новый уровень обоняния, слуха и осязания. Даже мозг постоянно напряжён, готовый анализировать любой полученный сигнал от всего набора имеющихся у меня чувств.

Я упёрся плечом в ближайшую ко мне стойку стеллажа и начал медленно поворачиваться. Даже при неярком пламени свечи я должен был увидеть кого-то, кто так фамильярно, беспечно и легкомысленно положил на моё плечо свою руку, — но сзади меня никого нет...

В нескольких метрах передо мной в воздухе начинает происходить странное свечение. Темнота как будто подсвечивается изнутри невидимым источником белого света. Этот свет становится ярче, объёмнее, но не растекается вокруг, а замкнут в определённых границах. Я не могу отвести глаза от этого кристально чистого, прозрачного света. Он прекрасен, такой яркий, такой сияющий, но глазам не больно даже после времени, проведённого в темноте.

На моих глазах из этого света появляется прекрасная девушка в белых длинных до пола одеждах, с длинными белокурыми локонами, красиво ниспадающими на плечи, за которыми я вижу большие белые крылья! От увиденного — говорить, шевелиться, что-то сделать, шагнуть навстречу, даже моргнуть — не могу. К моему состоянию подходит слово — замороженный, в состоянии сильного эмоционального потрясения. Продолжает работать только голова. И мозг начинает перебирать возможные варианты того, что я вижу и не находит ничего другого, кроме мысли, что я вижу ангела. Я весь облит светом идеального понимания и совершенной любви, на меня опускается покой, чувство радости от картины, развернувшейся передо мной. Девушка улыбается мне. Я не слышу её голоса, но начинаю понимать то, что она говорит мне.

— Тебе нет смысла бояться меня. Я твой ангел. Я никогда не сделаю тебе чего-то дурного или неприятного.

— Я никогда не видел тебя, но иногда чувствовал твоё присутствие. Я слышал от других людей, что ты есть. Не хочу тебя обидеть, но, честно говоря, я до конца не верил, что ты существуешь.

Да я и не мог себе представить, что мой ангел может быть такой красивой девушкой!

— Спасибо! Я знаю, что ты умён и галантен. Мне нравится, что ты умеешь людям говорить комплименты. Добрые слова всегда отзываются добром, если они говорятся сердцем. Ангел сделала паузу и продолжила:

— Я пришла по поручению Создателя. Твои ежедневные молитвы, обращённые к нему, пронизанные любовью к своей жене, тронули его. Он чувствует родство ваших душ, которое

не смогла разорвать даже смерть, Господь решил сделать тебе предложение, которое он раньше никому из смертных не делал. Считай, что это его эксперимент.

— Я потрясён тем, что я слышу тебя, и мы говорим, не открывая рта и не произнося ни одного звука, — этот прямой, беспрепятственный обмен мыслями между нами настолько ясный, что нет никакой возможности неправильно понять друг друга.

Я продолжаю:

— Но я слушаю с радостью любое твоё слово, и я слышу и понимаю тебя! И всё это похоже на сладкий сон. Не пойму только, как получается, что я отвечаю тебе, не используя обычную речь?

— Ваши учёные называют этот способ общения телепатическим. Но давай займёмся тем, для чего я сегодня здесь. Итак, я говорила об эксперименте, который Господь готов предложить тебе.

Ты возвращаешься вместе с твоей Любашей на четыре года назад. То место, куда ты вернёшься, будет кардиологический центр в Калининграде, где тебе делали операцию на сердце. Твоя жена ничего не будет помнить из того, что случилось с ней за прошедшее с того момента время по день её смерти. Она не будет помнить и последний день своей жизни — день своего ухода. Но ты будешь помнить всё! И все дни, которые вы с ней прожили вместе после твоей операции, и пандемию коронавируса, налетевшую на людей весной 2020 года, и смерть твоей любимой женщины. Ты будешь даже помнить этот, сегодняшний день — день похожий, как ты сказал, вначале — на страшный сон, и превратившийся в конце — в сон сладкий. Но это будет не сон. Это будет наркоз. Сладкий наркоз, который дал тебе возможность увидеть живой свою жену, увидеть меня и узнать о том предложении, которое делает тебе Господь. За прожитые четыре года после кардиооперации ты должен был стать умнее и мудрее. Ты должен был усвоить новые навыки существования семьи, в тяжелейших жизненных ситуациях. Сразу скажу: тебе будет не просто, ведь вы вдвоём опять пройдёте весь путь, который уже проходили, но знать об этом будешь только ты. И ты не можешь рассказать любимой о сегодняшнем дне и о подарке Господа. Конечно, опыт будет тебе помогать. Ведь не зря, люди любят эту фразу: предупреждён — значит вооружён. Но если ты не убережёшь свою жену опять, Господь откажет тебе в своей небесной обители. Всё в твоих руках. Сумеешь защитить свою любовь и пройти с ней через все трудности, испытания, препятствия, пандемии и ловушки человеческой жизни на Земле — и вы вместе останетесь навсегда и на Земле, и в Царствии небесном. Не сможешь — навсегда попрощаетесь. Бог хочет увидеть, насколько сильней становится простой человек, в душе и сердце которого живёт настоящая любовь.

Ты согласен?

— И ты ещё спрашиваешь? Конечно, согласен!

— Тогда начнём... Закрой глаза...

...Кто-то трясёт меня за плечо.

— Александр Михайлович! Александр! Саша, доброе утро! Пора просыпаться! — открываю глаза. Я лежу в кровати в большой светлой комнате. Моя кровать в помещении не одна. Вокруг, по периметру комнаты, на кроватях лежат люди. Около каждой кровати стоит блок мониторинга. Надо понимать, что это палата реанимации и интенсивной терапии. А люди на кроватях — пациенты кардиоотделения.

Правая моя рука лежит поверх одеяла и на ней установлена капельница. От блока над моей головой ко мне под одеяло тянутся провода и заканчиваются, кажется, где-то на груди. Левая рука вроде свободна. Немного побаливает грудь. Сильно болит спина — видимо, долго я на ней лежу, но повернуться никак невозможно. Вытаскиваю аккуратно левую руку из-под одеяла и трогаю шею — чувствую два установленных катетера. Я отмечаю для себя, что мед-

сёстры, которые дежурили здесь четыре года назад, сегодня здесь. Сейчас одна из них, женщина уже не молодая, подойдет и скажет мне, что один из двух катетеров на шее можно снять.

— Давайте снимем лишний катетер на шее. Он вам в палате не понадобится, — говорит, подходя ко мне, медсестра, которую я для себя отметил.

— Конечно. Я готов, — сейчас она наклонится надо мной и снимет один катетер с шеи.

Из освобожденной от инородного тела артерии брызнет кровь, оставляя красную дорожку капелек на её белом медицинском халате и на моём одеяле. Медсестра просит зажать пальцем дырочку на шее, в месте который она указала. Сейчас она приклеит мне на шею какой-то лейкопластырь. Фантастика! Повторяется всё как под копирку! И я всё помню. Меня отключают от капельницы, от блока постоянной диагностики и ещё одну трубочку из меня отключают ниже пояса. При её отключении я тревожно напрягся и в прошлый раз, и сейчас, но как оказалось — оба раза напрасно.

Ну вот, за мной пришли сестрички из нашего отделения. Освобождаю кровать реанимации, перебираясь на кровать из моей палаты, которую прикатали девочки. Коридор, мелькание светильников на потолке, лифт, коридор и моя палата. Два соседа дремлют на своих кроватях. Остаюсь в тишине и покое. Меня накрывает ощущение, что я вернулся домой после долгого отсутствия. Закрываю глаза, а в мозгу в такт ритму сердца, бьётся одна мысль — в семнадцать часов откроют комнату для посетителей. Конечно, к времени открытия я буду там, но я умру, если не увижу сидящую на диване Любашу! Но ведь ангел мне обещала! И ещё нумерология сегодня утром мне обещала, что при появлении цифры 7 откроются новые возможности, надо довериться пути, который разворачивается прямо передо мной, и я буду ошеломлен тем, что произойдёт в моей жизни. Что касается последнего — я уже ошеломлён!

Затишаю, увидев в своём телефоне текущее время — 12:48. Отмечаю для себя, что телефон вновь в работе. Время до встречи с женой ещё есть. Любе звонить не могу — очень боюсь, что она не ответит!

После смерти её телефон я не отключал: гаджет всегда заряжен, ежемесячный платёж я делаю регулярно, и аппарат лежит на тумбочке около нашей кровати. Мне тяжело ответить на вопрос, для чего я это делал. Наверное, я просто не мог поверить, что Любы больше нет, и всегда ждал звонка...

Нашу палату покормили обедом, и в тело, оставленное без пищи и воды больше чем на сутки и пролежавшее на операционном столе четыре часа, начинает возвращаться жизнь. Ближе к пятнадцати часам в палату должен зайти мой хирург — он же и лечащий врач.

С ангельской точностью в 14:52 в палату заходит Павел Александрович, и мы говорим о том, как прошла операция и каких её итогов мы ждём. Мы разговариваем, а я думаю: «Сейчас доктор, заканчивая беседу, достанет из кармана белого халата зелёную флэшку и протянет её мне со словами: «А это, Александр, Вам подарок — видеозапись всей вашей операции».

— Так что, Александр Михайлович, я сделал всё, что планировали. На мой взгляд, операция «Лабиринт-2» прошла успешно. А это Вам подарок, — я даже знаю заранее, из какого кармана сейчас появится флэшка, — с записью операции, которую мы с Вами провели. На память!

— Спасибо, Павел Александрович, — беру флэшку из протянутой руки хирурга с благодарной улыбкой.

— И ещё один вопрос! Я сильно соскучился по своей жене. Могу ли я пройтись потихонечку, до комнаты посетителей вечером?

— Александр, Вы же вчера вечером точно с женой виделись. Я, уходя с работы, Вас видел вдвоём на диванчике, у нашего знаменитого фикуса, рядом с другими пациентами и их родственниками.

— Вчера? Да, виделся, — произнёс я, неуверенный до конца в необходимости утвердительной формы своего ответа, а потом, как бы вспомнив что-то важное, добавил:

— Так со вчерашнего дня, сколько времени прошло! И столько всякого приключилось!

— Вы чувствуете себя нормально?

— Да, вполне.

— Ну, тогда, аккуратно, без спешки, спокойно в семнадцать часов сходите на свидание с супругой и так же спокойно и медленно вернитесь в свою палату.

— Я всё понял. Спасибо Вам, доктор, за операцию. Вы провели её блестяще. Во всяком случае, если смотреть с моей непрофессиональной точки зрения.

— Подождите, посмотрим, как Вы будете себя чувствовать через три — четыре месяца.

— Павел Александрович, я знаю точно, что всё будет хорошо!

— Но бывают случаи рецидива...

— У нас с Вами рецидива не будет. Я уверен на двести процентов.

— Ну, дай бог! Отдыхайте. Я завтра к Вам загляну. До свидания!

— До свидания!

Без пяти минут семнадцать часов я уже стою в коридоре, недалеко от двери, ведущей на выход из здания Кардиологического Центра в помещение для встречи с посетителями. Несколько больных уже прошли в небольшой зал, официально называемый комната дежурных. Здесь установлен ресепшен, телефоны. За стойкой ресепшена сидит дежурный, который готов ответить на вопросы посетителей. По залу расставлены вдоль стен мягкие диваны, в одном из углов — большой фикус, на одной из стен установлена панель телевизора, правда, во время свиданий больных со своими родственниками, он всегда выключен, чтобы не мешать общению людей.

С опаской, медленно открываю дверь и вхожу в комнату. Смотрю только на то место на диванчике, в углу, у фикуса, где меня каждый день ждёт жена. Взрыв счастья и радости в голове, в сердце и на моём лице! В моих глазах мелькают разноцветные звёздочки фейерверка: Любочка сидит и спокойно ждёт меня! Ураааа! Я бросаюсь к жене, прижимаю её к себе, целую всё, что попадает на мои губы. На глаза от радости наворачиваются слёзы.

— Санечка, ты меня задушишь! Что с тобой сделали на операции?

Я слышу её родной голос, любимые мной и такие знакомые интонации и шепчу на ушко, не выпуская из объятий:

— Я так соскучился! Тебя так долго не было! Я так ждал тебя!

— Вот она я! Я с тобой! Ой, почему у тебя слёзы?

— От радости, что вижу тебя! — я целую Любины руки.

— Операция прошла нормально, потому что я вижу и обнимаю тебя. И это лучшее, что могло произойти в моей сегодняшней жизни.

— Дорогой, ты меня пугаешь! Правда, то, что ты меня так много целуешь здесь, при всех, мне очень приятно, хотя и несколько нестандартно для тебя.

— Милая, сегодня все стандарты выброшены на помойку. Ты мой единственный стандарт жены, любви и счастья! Я благодарен Господу, что ты со мной, что ты рядом!

— После операции, Санечка, ты стал очень любвеобильный и на слова, и на поцелуи! Может на операционном столе тебе занесли какой-то вирус? Пока ты был под наркозом.

— Уверен, вирус занесли, пока я был под сладким наркозом.

— Боюсь, что вирус пропадёт в ближайшее время!

— Даже не надейся, дорогая! Этот вирус — навсегда!

— Все вы мужики так вначале говорите! — произносит Любаша с очаровательной улыбкой и целует меня в щёку.

Всё это время нашей встречи мы стояли и теперь присели на диван, но руки жены я не выпускаю, боясь, что кто-нибудь её заберёт у меня.

— Сегодня звонила домой — дети хозяйничают, всё нормально. Стало не просто тепло, а жарко. Конец мая, и температура поднимается днём до 27 градусов. А здесь — всего 15. С

Балтики ветерок прохладный дует. Но, в общем, приятная погода. Днём гуляю по городу, по набережной Преголи. Такой Калининград красивый. Сегодня была в соборе на острове Канта. Около стен здания похоронен великий немецкий философ Иммануил Кант. В соборе стоит настоящий действующий орган. И там проходят концерты органной музыки. Когда выйдешь из больницы, давай сходим? Ещё там есть небольшие залы православной и лютеранской религии. Я там купила икону, я её тебе сейчас покажу, — Люба поворачивается к своей сумке и достаёт икону, о названии которой я уже догадываюсь, —

это икона Божьей матери «Нерушимая стена». Очень сильная икона. Она мне нужна.

— Отличная икона, и здорово, что на ней, кроме Богородицы, расположены фигуры Николая Чудотворца и Святого Пантелеймона... А в центре города ты была? Мне соседи по палате говорили, что там множество небольших магазинчиков, торгующих волшебной бижутерией из настоящего янтаря.

— Если честно, Санечка, я там была уже и всё рассмотрела. Одну штучку отложила до завтра. Хотела с тобой посоветоваться. Я её на телефон сфотографировала.

Любаша достала из кармана курточки знакомый аппарат Samsung J-5 в золотистом чехле и с маленькой трещинкой стекла в верхнем углу экрана. Я сразу узнал его!

Ну, что же, Александр Михайлович, ты вымолил у Господа Бога свою родную жену живой и здоровой. Теперь докажи, что настоящая любовь может соединить вас навсегда!

— Саша, вот фотография. Ты о чём думаешь? Ты меня слушаешь?

— Да, родная, немного отвлёкся в мыслях. Я уже с тобой, милая.

— Так вот фото этого украшения. Как тебе?

— Дорогая, оно просто сказочно красивое. На тебе будет выглядеть просто шикарно. Берём. Завтра идёшь и покупаешь. Поздравляю. Ты — молодец, что откопала такую прелесть.

— Так, я тебя немного отвлекла от болезней, а теперь ты рассказываешь всё о себе, операции, о Павле Александровиче, о том, что тебе завтра принести и чем вас сегодня кормили на обед. Начинай!

И я начал рассказывать...

Знаешь, дорогая, за это время без тебя я многое передумал. Я просто тосковал по тебе. У меня было ощущение, что мне не хватает воздуха из-за того, что тебя нет рядом.

И моментами я чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег, где мне невозможно дышать, как бы часто я не открывал рот. Невозможно дышать без твоей среды обитания, без тебя. Ведь твой знак зодиака — Рыба, а мой знак — Водолей. Мне теперь понятно одно — Вода и Рыбы могут жить только вместе!..

Я продолжаю говорить, а думаю только об одном:

СПАСИБО ТЕБЕ ГОСПОДИ, ЧТО ТЫ ДАЛ МНЕ ТАКОЙ ШАНС!

Я НЕ ПОДВЕДУ НИ ТЕБЯ, ОТЕЦ НЕБЕСНЫЙ, НИ МОЮ ЛЮБОЧКУ, НИ МОЕГО АНГЕЛА!

Я КЛЯНУСЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, ЧТО ЛЮБОВЬ СМОГУ СОХРАНИТЬ!

Я БЛАГОДАРЮ ВСЕХ ВАС ЗА СЛАДКИЙ НАРКОЗ, СТАВШИЙ ДЛЯ МЕНЯ СЧАСТЛИВОЙ МАШИНОЙ ВРЕМЕНИ!

Рада

Сегодня, никто из ростовчан и представить себе не может, что река Темерник, природный приток Дона, сегодня называемый горожанами, несколько презрительно — Темерничкой, три века назад была судоходной. По ширине она занимала почти всю территорию нынешнего железнодорожного вокзала и привокзальную площадь, а это примерно двести пятьдесят — триста метров, а её глубина, в некоторых местах, достигала трёх метров. Именно здесь, в конце 17 века, во время Азовских походов России против Турции, царь Пётр 1 решил построить ремонтную судовой верфь, необходимую в то время, для дооснащения оружием и ремонта судов, приплывающих по Дону из Воронежа, и устремляющихся дальше для участия в борьбе с турецкими войсками за Азов и Таганрог.

В 18 веке вдоль берегов Темерника выросли фабрики и заводы, нуждающиеся в чистой воде и сливе отходов. К началу 19 века воды реки начали заболачиваться, река стала мелеть, а про рыбу — леща, сазана, судака, которая издревле ловилась в притоке Дона и которой гордились дончане, пришлось забыть. В результате беспощадной эксплуатации, течение Темерника постепенно замедлилось, началось неизбежное заиливание. Питающие реку ключи оказались занесены. Река в низовье начала мелеть и превращаться в клоаку. Так и продолжал течь этот природный донской приток через территорию города. Мелкий, дурно пахнущий, заросший местами по берегам камышом, он нёс в Дон мусор и мутные, непонятного цвета воды. А по берегам реки,

на правом — вырос главный железнодорожный вокзал Ростова — ворота Северного Кавказа, а на левом берегу — главный автовокзал — крупнейший автобусный узел всего Юга России. Тогда, в конце 20 века, власти города почистили русло и забетонировали берега реки в районе вокзалов. Очень не хотелось позориться перед приезжающими в город туристами или проезжающими с пересадкой в Ростове-на-Дону, гражданами своей страны этим видом жидкой помойки. Конечно, ситуация с Темерничкой, после проведённых советскими органами работ, несколько улучшилась, но коренным образом не поменялась.

Во время дождей, ввиду отсутствия в Ростове эффективной ливневой канализации, в Темерник попадает большое количество воды с городских территорий. Тогда, из тихой, мутной и тусклой, речка превращается, в полноводную и быструю, успевающую за короткое время смыть и донести до русла Дона, часть оседающего на дно ила и мусора.

Мы стоим напротив Главного Автовокзала Ростова-на-Дону, куда в ближайшее время должен подойти автобус из Москвы, на котором едет к нам с женой в гости мой давнишний товарищ. Я опираюсь на каменный парапет Темернички, шумящей в своём бетонном ложе после сегодняшнего ночного ливня, и, прикрыв глаза, погружён всем своим существом в поглощение любимого мороженого, с волшебным пломбиром, покрытого толстым слоем шоколада с жареным арахисом. Мороженое напоминает эскимо только палочкой, торчащей из него, и за которую удобно его держать. В остальном, оно значительно больше эскимо, и его хватает для удовлетворения желания в жару съесть мороженое, мужчине, редко его употребляющего, но любящего его последние лет двадцать. Дорогая моя жена, стоит рядом со мной и с удовольствием ест мороженое, состоящее из вафельного рожка и трёх кругляшков пломбира с соком киви. Лицо её выражает полное удовлетворение этим лакомством, а внутреннее удовольствие от мороженого светится в глазах, обращенных ко мне. Её губы, как магнит, притягивают меня к себе. Нет смысла сопротивляться этому магнетизму, и я отрываюсь от своего удовольствия на палочке, чуть наклоняюсь к Любаше и своими губами в шоколадной глазури прижимаюсь к щеке жены, попав, одновременно, и на краешек её пломбирных, с киви, губ. Этот поцелуй

получается сладкий, прохладный, пронизанный любовью к жене и непроходящим уже много лет восторгом от её присутствия рядом. В ответ я получил сказочную улыбку и слова:

— Александр, прекрати хулиганить! Поцелуй, конечно, у тебя получился нестандартно-классным! С одной стороны — готова ответить тебе тем же, но ты же никогда не был сторонником поцелуев на улице, под пристальными, и часто осуждающими, взглядами окружающих. А с другой стороны, если мы сейчас займёмся поцелуями, то мой рожок с пломбиром и твоё эскимо на палочке начнут таять и того удовольствия, на которое мы оба рассчитывали покупая мороженое, мы не получим. Предлагаю получить уже оплаченное наслаждение от этого приятного лакомства. Ну а наша любовь, милый, станет только крепче, пройдя через испытание замороженным десертом.

— Знаешь, дорогая! Конечно, я не буду кривить душой — целуя тебя, я надеялся на взаимность. Но, твоя логика кажется мне железной — свернуть с указанного тобой пути теперь просто невозможно. Возвращаюсь к своему десерту на палочке.

— Санечка! Я всегда знала, что ты — лучший! И каждый твой поцелуй для меня это тёплый и бесценный луч света. Я могу быть уверена, что такими поцелуями ты не награждал в своей жизни никого из женщин? — ответила Любочка, с лицом учительницы подготовительной школы, стоящей перед первоклашками, и погрозила мне пальчиком с маникюром, розовый цвет которого мне очень нравится. Этот цвет как-то приятно перекликается с весной, как временем года, и моим сегодняшним весенним настроением. И я, конечно, жене ответил утвердительно. В том смысле, что жена может быть уверена...

Были только первые числа апреля, самое начало весны, а лето, вопреки сложившимся у нас в регионе температурным графикам, резко подняв температуру воздуха до 23—28 градусов тепла, локтями оттолкнув весну, даже не успевшую зазеленеть набухающими на деревьях почками, и только приступившую к своей непростой работе по наполнению всей городской природы энергией просыпающейся земли, вторглось сразу в жизнь горожан.

А ростовчанам, наблюдающим со стороны за борьбой времён года в окружающей природе, ничего не оставалось, как оперативно снять пальто и тёплые куртки, заменив их, на подobaющую температурам воздуха, одежду. В отдельные дни, когда температура воздуха поднялась до 30 градусов, замелькали белые ноги девушек и парней, снявших джинсы и одевших летние шорты. На лицах горожан появились модные чёрные очки, добавляющие загадочности женскому полу и брутальности — мужскому. Автомобилисты, стройными рядами, практически одновременно, записались на замену зимней резины — летней, в городских пунктах шиномонтажа. Владельцы дачных участков организованно покрасили фруктовые деревья белой известью, от чего те стали нарядными и радостно отозвались на заботу первыми зелёными почками, а кое—где — и листочками, а ветки абрикосов покрылись бело-розовой цветочной композицией, обещающей хороший осенний урожай.

Ночью прошёл сильный дождь и сегодня Темерник, собирающий воду со всего асфальтобетонного покрытия, как центра города, так и городских районов, через которые он протекает, шумел горной речкой, безосновательно угрожая выйти из бетонных берегов и затопить привокзальные площади, хотя ему никто и не верил.

Не успели мы с Любашей вернуться к своим десертам, как раздался детский крик, прервавший высокий полёт супружеского диалога. Мы с Любашей разом повернулись в сторону, откуда раздался шум. Ещё несколько групп граждан, видимо приезжих, тоже стоящих вдоль бетонного парапета реки Темерник, с сумками и без, обернулись на услышанный ими призыв ребёнка:

— Папочка, папочка, смотри, собачка плывёт в речке! Она утонет! Папочка, спаси её! Спаси её!

Мы все увидели кричащую девочку лет семи. Она продолжала кричать и показывать вниз, на полноводный Темерник, пропускающий сегодня через своё русло остатки вчерашнего ноч-

ного ливня. Девочка просила отца спасти собаку. В это время её мама стояла рядом, держа на руках грудного ребёнка. На земле возле них стояли несколько сумок и чемодан. Папа пытался удержать дочку:

— Яночка, как же я могу бросить всю нашу семью — тебя, маму, малышку и броситься в реку. Мы только что приехали в Ростов. Нам надо скоро идти на железнодорожный вокзал, чтобы ехать дальше. Ни я, ни мама, не можем ничего сделать!

Девочка начала громко плакать. Она плакала и сквозь слёзы говорила:

— Спаси собачку! Спаси собачку!...

В это время, небольшая собачка уже проплывала мимо нас у противоположного берега речки, мелко перебирая маленькими лапками плывя по-собачьи и пытаясь зацепиться когтями за вертикальные стены русла. Но там ничего кроме бетонных блоков не было. Шансов на победу у собаки было мало. Собравшиеся люди по обоим берегам, что-то говорили, охали, по-настоящему переживая, но сделать что-то никто не решался. Некоторые детки давали советы собачке куда плыть и что ей сделать.

Уже с сопереживанием наблюдая за борьбой собаки за свою жизнь, я увидел, что, на пути животного, которого несёт водный поток, из воды торчит толстая коряга, оказавшаяся в речке. Собака ударилась об неё, быстро обхватила её передними лапами, немного подтянулась и положила голову на обломок ствола, часто дыша, широко открыв пасть и, изредка, коротко воя. Видно было, что ей удалось задними лапами опереться на невидимую часть коряги.

Послышались возгласы людей: «Молодец!», «Держись!», «Отлично!». Кто-то из детей захлопал в ладоши. Только Яночка, обнаружившая первая плывущего щенка, стояла у парапета, зажав свой ротик ручкой и молча смотрела, как боролась за свою жизнь собачка. А я, наблюдая за этой борьбой, уже знал, что я сделаю в следующее мгновение.

— Любаша, держи, дорогая! — я сунул в свободную от мороженого руку жены, свою барсетку.

Несъеденная часть любимого мороженого летит в урну, а я уже бегу к мосту через речку, и по мосту — к противоположному берегу. Перелезаю через перила моста, по конструкциям опоры спускаюсь как можно ниже к воде, и отпускаю руки. Вода — мне по грудь. Этот короткий забег с препятствиями занимает не больше половины минуты. Мне надо ещё несколько секунд для того, чтобы привыкнуть к температуре воды — ну, вот, привык...

— Саша, пожалуйста, аккуратней! — это кричит Любаша с моста.

Осматриваюсь — вижу метра в двадцати выше по течению, голову собачки, прижавшуюся к коряге. С трудом иду в сторону животного, по дну, заваленному камнями, какими-то железками, навстречу водяному потоку, постепенно приближаясь к зацепившейся за дерево собаке.

При виде меня, животное, видимо, увидев во мне своего спасителя, и ни секунды не сомневаясь, что я нахожусь в воде, исключительно ради неё, перестаёт выть, отпускает спасительную деревяшку, отталкивается от неё и плывёт по течению прямо ко мне в руки. Мне ничего не остаётся, как подхватить её и прижать к груди, тогда как спасённая, начинает работать лапами, стараясь как можно выше забраться на меня, правда, я сопротивляюсь её желанию. И у меня получается лучше, чем у неё. Мордочка собачки прямо напротив моего лица и я чувствую своей щекой, как она меня благодарно лижет. Я начинаю её успокаивать дружеским тоном, объясняя ей, что все её проблемы уже позади, что мы сейчас выберемся на землю, что она точно уже не утонет. Сегодня долго я с ней бултыхаться в воде не могу, так как нам надо ещё встретить друга, поэтому мы возвращаемся к мосту. С обоих берегов речки слышу не бурные, но аплодисменты. Признаюсь — они приятны! Не часто в обычной жизни слышишь аплодисменты в свой адрес!

Ещё, я слышу голос Любаши, стоящей у перил моста:

— Санечка, ты умничка! Я тебя люблю! — и слышу знакомый голос московского гостя —
— Санёк, сегодня первый тост пью за лучшего спасателя животных Ростова, — за тебя!

Я поворачиваюсь лицом к мосту и машу Любочке и Жене свободной рукой. Отлично, наш друг уже приехал! Начинаю двигаться обратно, в сторону моста, прижимая к себе тёплое, ещё дрожащее, тельце спасённой. Вижу, что спасенная собачка — девочка.

Через несколько минут мы уже на мосту обнимаемся с Женькой:

— Саня, вот мы и встретились! Я приехал на автобусе, а ты приплыл. Не думал, что эти два вида транспорта так оригинально пересекаются в Ростове. Скажу тебе больше: обнимать тебя и прижимать тебя к груди, как-то, не очень приятно, потому, что — мокро. Я лучше обниму Любочку! Кстати, не про тебя ли писал свой известный рассказ Тургенев, дав главному герою имя — Герасим...

— Боюсь тебя разочаровать, Евгений. С Тургеневым я не был лично знаком, и не могу пояснить, с кого именно списан образ Герасима, через века дошедший до нынешних поколений, — мы, все трое, громко смеёмся и продолжаем обниматься на мосту с другом, а у моих ног скромно сидит спасённая собачка и терпеливо ждёт, когда на неё обратит внимание её спаситель. Она ни как не отреагировала, ни на мою жену, присевшую перед ней на корточки и разговаривающую с ней ласково и успокаивающе, ни на девочку Яну, вырвавшую свою руку из папиной ладони и прибежавшую погладить и пожалеть бедную псинку. Конечно, собака не могла сообразить, что если бы не сострадание маленького ребёнка, никто бы не увидел тонущую в реке собаку.

Ко мне подошёл отец Яны, пожал мне руку и, как-то виновато, сказал, что я — молодец!

— У вас очень добрая и отзывчивая дочка. Ею уже нужно гордиться! Если бы не Яна — собака бы утонула, наверняка. Кстати, если бы я был бы на вашем месте, я бы тоже не полез спасать собаку. Думаю — ответственность за семью важнее! И оставлять их, даже на короткое время, было бы неразумно. Поэтому, я не вижу и капли вашей вины в том, что вы не откликнулись на зов дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.